

Глава 8 Покушение на убийство

Люциус нахмурился, его любопытство только усилилось, когда он принял записку.

Аккуратно развернув ее, он сразу же узнал знакомый почерк Кассиуса. Его глаза забежали по строчкам, а выражение лица менялось по мере чтения. В тот момент, когда он закончил читать, он аккуратно свернул послание и сунул его в карман, не позволив ни единой эмоции промелькнуть на лице. Он выпрямился, проведя рукой по волосам до плеч, словно приводя себя в порядок.

Его молчание было осознанным: он следил за тем, чтобы никто вокруг не уловил и намека на содержание записки. Он просто кивнул, как бы подтверждая свое понимание, и с целеустремленным видом направился к передней части собравшегося персонала.

Встав перед толпой, Люциус глубоко вздохнул, и его лицо стало суровым. Тусклое освещение отбрасывало тени на его молодое лицо, но острые серые глаза горели интенсивностью. Он поднял руку, заглушая тихий ропот растерянности среди слуг.

— У меня важное объявление, — начал Люциус ровным и торжественным голосом. Напряжение в комнате возросло, каждая пара глаз устремилась на него. — Ранее сегодня кто-то попытался убить вашего господина, Кассиуса Холифилда, с помощью яда.

Реакция последовала мгновенно.

По комнате прокатилась волна вздохов, сменившаяся паническими и суматошными шепотками. Слуги обменивались испуганными взглядами: одни нервно сжимали руки, другие отступали назад, словно само обвинение могло запачкать их.

— Покушение? — испуганно прошептала одна из горничных.

— Кто посмел пойти против аристократа? — прошипел другой голос, полный ужаса.

— Неужели они подозревают персонал? А вдруг обвинят нас?

Острые уши Люциуса уловили каждое слово, его губы сжались в тонкую линию. Страх, распространявшийся по залу, был связан вовсе не с переживаниями за Кассиуса — это было чистейшее самосохранение. Слуги беспокоились не о жизни молодого господина, а о собственной безопасности и местах.

Снова подняв руку, Люциус вновь заставил комнату замолчать. Его голос слегка понизился, неся в себе нотки тихой власти:

— Ваш господин выжил.

Коллективный вздох облегчения, последовавший за этим, был почти оглушительным, но его сопровождал едва уловимый сдвиг в атмосфере. Страх утих, сменившись шепотом утешения и слабыми ухмылками облегчения. Однако Люциус видел истинную подоплеку их выражений лиц.

Их облегчение проистекало вовсе не из благодарности или преданности — оно было эгоистичным. Они радовались лишь тому, что выживание Кассиуса означало сохранность их работы и средств к существованию. Искренней заботы о благополучии хозяина не было и в помине, лишь уверенность, что кара их минует.

Челюсть Люциуса напряглась, седые глаза сузились при взгляде на толпу. Внутри него закипала тихая ярость, хотя внешне он сохранял полное самообладание.

*«Эти люди...» — горько подумал он. — *Ему они совершенно безразличны... Для них он всего лишь обуза, которую они терпят ради собственной выгоды».*

Но Люциус не произнес вслух ни слова. Вместо этого он стоял прямо, его манера поведения была спокойной и контролируемой.

— Будьте уверены, ваш господин в безопасности, и меры по ликвидации последствий этого инцидента уже принимаются. Я ожидаю от всех вас собранности и безупречного выполнения своих обязанностей... Этот дом не потерпит слабости или беспорядка.

Толпа поспешно закивала, бормоча успокаивающие заверения, хотя на их лицах читалось скорее облегчение, чем искренность. Люциус позволил тяжести своих слов повиснуть в воздухе, а его острые серые глаза окинули толпу взглядом. Слуги стояли как вкопанные, тихо переговариваясь между собой, а их недавняя паника теперь сменилась беспокойством.

Как только напряжение начало спадать, Люциус снова повысил голос, и его тон прорезал шепот, словно клинок:

— И еще кое-что, — произнес он с непоколебимым спокойствием, но слова его несли в себе такую остроту, что комната вновь погрузилась в тишину. — Тот, кто осмелился отравить вашего господина, уже близок к разоблачению... К концу дня его личность будет раскрыта.

Это заявление ударило подобно громовому раскату, вызвав волну шока и любопытства. Лица повернулись друг к другу, и почти сразу же возобновился приглушенный шепот.

— Кто мог быть настолько дерзок, чтобы отравить аристократа? — пробормотал один из слуг.

— Особенно члена семьи Холифилд, — добавил другой, и в его голосе послышалось неверие.

— У них что, жизнь лишняя? — нервно шепнул кто-то еще.

Тревога персонала сменилась странной смесью страха и интриги. Мысль о том, что кто-то среди них — или кто-то близкий к семье — может быть причастен к этому, породила шквал домыслов. Забыв о недавней панике, они принялись обмениваться теориями и сплетнями вполголоса, подгоняемые праздным любопытством.

Люциус молча наблюдал за ними, храня непроницаемое выражение лица. Внутри по-прежнему klokотала злость, но он прекрасно ее скрывал, сохраняя ледяное спокойствие. Он позволил шепоту толпы стать громче, зная, что теперь их внимание отвлечено от эгоистичного облегчения и приковано к серьезности происходящего.

Когда последние слуги, отпущенные им, скрылись в коридорах, а их шепот стих, Люциус позволил себе короткий выдох. Он поправил пиджак, в последний раз окинул взглядом опустевший зал и уже собирался уходить, чтобы доложить Кассиусу.

Но вновь, стоило ему повернуться к выходу, к нему поспешно бросилась та самая служанка, крепко сжимая в руках сложенное письмо.

— Господин Люциус, это только что пришло для вас, — растерянно произнесла девушка, слегка кланяясь и протягивая послание.

Люциус без колебаний взял конверт и развернул его с привычной ловкостью. Его глаза быстро пробежали по содержимому, и почти мгновенно выражение его лица стало предельно сосредоточенным. Резко сложив бумагу, он сунул ее в карман, а его взгляд скользнул по оставшимся в дальних уголках зала теням.

Затем его серые глаза пригвоздили к месту фигуру в самом отдаленном углу, наполовину скрытую в полумраке.

Без малейшего колебания он поднял руку и указал прямо на нее:

— Ты! — властно и четко бросил он. — Сторонись на месте!

Фигура замерла, ее осанка окаменела, в то время как все оставшиеся в зале обратили на нее взгляды. Поредевшая толпа слуг зашумела в растерянности, некоторые замерли на полпути к выходу, оглядываясь назад.

Молодая женщина, которую он выделил из толпы, замялась, слегка склонив голову в знак подтверждения. Но даже издалека Люциус заметил ее суетливые движения пальцев и едва заметную дрожь в коленях. Она нервничала куда сильнее положенного, ее тревога была почти осязаемой.

Пока остальные слуги продолжали нехотябresti к выходу, подгоняемые любопытством и обмениваясь тихими догадками:

— Почему вызывают именно ее?

— Разве она сделала что-то не так?

— Никогда не видел, чтобы она так себя вела... Она ведь всегда была такой умной и послушной девочкой.

Мормот толпы затих, когда они наконец покинули помещение, оставив зал практически пустым. Лишь тогда женщина вышла из тени, полностью открывшись свету.

Взгляд Люциуса остановился на ней, а резкие черты лица оставались спокойными, но бдительными. Она была потрясающе красива, и ни одна другая горничная в поместье не могла соперничать с ее лицом.

Перед ним стояла девушка, словно сошедшая со страниц сказки. Ее светлые волосы, мягкие, как пряденное золото, были аккуратно уложены в короткие, изящные локоны, а в черно-белую униформу была вплетена гармонирующая лента. Ее синие глаза, сияющие и манящие, как чистое летнее небо, искрились смесью невинности и тихого озорства.

Ее фигура была завораживающим произведением искусства — чувственным шедевром с изысканными изгибами, приковывающими взгляд и учащающими пульс. Облегающий лиф формы туго натягивался на пышной груди, а тонкая талия резко сужалась, подчеркивая округлые бедра, которые юбка едва скрывала.

Каждое ее движение казалось непринужденно-грациозным, но в то же время несло в себе едва уловимый, дразнящий намек, источая природное очарование, перед которым невозможно устоять. В ее осанке читалось невысказанное соблазнение, уверенность, говорящая сама за себя без единого слова.

Однако Люциус не поддался чарам. Его серые глаза слегка сузились, когда он сделал шаг вперед, а в голове уже прокручивались выводы из содержимого записки. Тусклый свет отбрасывал резкие тени на его лицо, подчеркивая холодное, расчетливое выражение, от которого трепетали многие слуги в особняке.

Горничная, однако, не отступила. Она лишь слегка вздрогнула при его приближении — изящные пальцы дернулись на секунду, — но тут же взяла себя в руки. Сделав резкий вдох, она расправила плечи и встретила пронзительный взгляд Люциуса лицом к лицу.

Ее кулаки сжались по бокам, словно черпая в этом жесткости силы, а крупные, умные глаза зафиксировались на нем, не смея дрогнуть. Хотя сердце бешено колотилось, а разум всюду

кричал о необходимости показать страх, она держалась с поразительным достоинством. Она прекрасно понимала, что малейший признак слабости или колебания лишь усилит подозрения.

Люциус приподнял бровь, и в его серых глазах мелькнул огонек. Ее реакция заинтриговала его.

Большинство слуг не смели бы выдержать его взгляд, не говоря уже о том, чтобы стоять прямо под тяжестью его ледяного нрава. Видеть, как эта юная горничная с ее утонченной красотой и очевидным умом сохраняет хладнокровие под таким прессингом, было по меньшей мере впечатляюще.

«Интересно», — пронеслось в голове у Люциуса, а его губы дрогнули в подобии усмешки.

Он позволил своему взгляду задержаться на ней, наблюдая, как ее дыхание выравнивается, а самообладание крепнет с каждой проходящей секундой. Большинство прислуги боялось его не только потому, что он был правой рукой Кассиуса, но и из-за его привычки редко проявлять мягкость вне общения с хозяином. Для них Люциус был неприступной фигурой — тенью, двигающейся с абсолютной точностью и властью. И тем не менее, перед ним стояла эта горничная, хранящая тихий мятежный вызов, который он не мог не уважать.

<http://erolate.org/book/567/54271>